

Н. В. Гоголь

Сочинения и письма

**Том 3. Повести. Переписка с
друзьями. Авторская исповедь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Сочинения и письма: Том 3. Повести. Переписка с друзьями. Авторская исповедь / Н. В. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2021. – 534 с.

ISBN 978-5-518-07851-2

ISBN 978-5-518-07851-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТАРАСЪ БУЛБА.

(*Въ исправленномъ видѣ.*)

I.

»А поворотись-ка, сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?«

Таковыми словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ домой къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

»Стойте, стойте! дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько«, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: »какія же длинныя на васъ свѣтки! экія свѣтки! такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы.«

»Не смѣйся, не смѣйся, батько!« сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

»Смотри ты, какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?«

»Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то ей Богу поколочу!«

»Ахъ, ты сякой-такой сынъ! какъ! батька?» сказалъ Тарасъ Бѣльба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

»Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.«

»Какъ же хочешь ты со мною биться? развѣ на кулаки?»

»Да ужъ на чемъ бы то ни было.«

»Ну, давай на кулаки!« говорилъ Тарасъ Бѣльба, засучивъ рукава: »посмотрю я, что за человекъ ты въ кулаки!«

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

»Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! совсѣмъ спятилъ съ ума!« говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и неуспѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. »Дѣти пріѣхали домой, больше года ихъ не видали, а онъ задумалъ ни-вѣсть что: на кулаки биться!«

»Да онъ славно бьется!« говорилъ Бѣльба, остановившись: »ей Богу, хорошо!« продолжалъ онъ, немного оправляясь: »такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!« И отецъ съ сыномъ стали цѣловаться. »Добре сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ: никому не спускай (!)! А всё-таки на тебѣ смѣшное убранство: что это за веревка виситъ? А ты, бѣйбась, что стоишь и руки опустил?« говорилъ онъ, обращаясь къ младшему: »что жъ ты, собачій сынъ, не поколотишь меня?»

(1) Считаю долгомъ замѣтить, что эта сцена между полковникомъ Бульбою и его сыномъ исторически не возможна. Самый безпутный человекъ въ Малороссіи, будучи въ трезвомъ видѣ и здоровомъ умѣ, не позволитъ себѣ такой возмутительной шутки. Изъ старинныхъ народныхъ Украинскихъ думъ дошли до насъ большею частію тѣ, въ которыхъ воспѣваются—благословеніе Божіе надъ почтительными дѣтьми и кара Бога надъ тѣми, которыя своихъ родителей не шановали и не поажали. Наша «колядка», при своемъ религіозномъ характерѣ, осуждаетъ на вѣчныя адскія муки человека, который только подумалъ побранить отца и мать («Записки о Южной Руси», т. II, стр. 243), и ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ судебномъ актѣ, ни въ одномъ преданіи не сохранилось ни одной черты, которая бы допускала возможность боя на кулакахъ между отцомъ и сыномъ. Если Бульба принадлежалъ къ дворянству, у котораго было что-нибудь общаго съ дворянствомъ Польскимъ; то надобно вспомнить, что въ его время у Поляковъ взрослый сынъ не смѣлъ сѣсть въ присутствіи отца, безъ приглашенія. Если же дворянство южно-Русское было не что иное, какъ простонародье, съ особенными правами; то, не зная вовсе

»Вотъ еще что выдумалъ!« говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго: »и придетъ же въ голову такое, чтобы дитя родное било отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (Это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ), ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!«

»Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!« говорилъ Бѣльба. »Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжьба? Ваша нѣжьба — чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжьба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша мать! Это все дрянъ, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, и все это: *ка зна що* — я плевать на все это!« Здѣсь Бѣльба пригналъ въ строку такое слово, которое даже не употребляется въ печати. »А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ наука! Тамъ вамъ школа; тамъ только наберетесь разуму.«

»Цѣ всего только одну недѣлю быть имъ дома?« говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха мать: »и погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, не удастся и дому родного узнать, и миѣ не удастся наглядѣться на нихъ!«

»Полно, полно выть, старуха! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ты бы спрятала ихъ обоихъ себѣ подъ юбку, да и сидѣла бы на нихъ, какъ на куриныхъ яйцахъ. Ступай, ступай, да ставъ намъ скорѣе на столъ все, что есть. Не нужно пампушекъ, медовиковъ, маковниковъ и другихъ пѣндиковъ; тащи намъ всего барана, козу давай, меду сорокалѣтніе! да горилки побольше, не съ выдумками горилки, не съ изюмомъ и всякими втребеньками, а чистой пѣнной горилки, чтобъ играла и шигла какъ бѣшеная.«

Малороссія, не зная жизнь другихъ юныхъ, нецивилизованныхъ и воинственныхъ гражданскихъ обществъ, никакъ нельзя допустить, чтобы отецъ, въ виду жены, слугъ и подчиненныхъ, позволилъ сыну поднять на себя руку. По-моему, это грубѣйшая ошибка, въ какую когда-либо впадалъ Гоголь отъ незнанія своего простонародья, которое было заслонено отъ его наблюдательности дворовыми людьми — этимъ разложениемъ всѣхъ здоровыхъ началъ жизни народной, равно неприятнымъ для души простолюдина и человѣка съ высшимъ нравственнымъ развитіемъ. П. К.

Бѣльба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, откуда проворно выбѣжали двѣ красивыя дѣвки-прислужницы, въ червонныхъ монистахъ, прибиравшія комнаты. Онѣ, какъ видно, испугались приѣзда паничей, нелюбившихъ спускаться никому, или же, просто, хотѣли соблюсти свой женскій обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидѣвши мужчину, и потомъ долго закрываться отъ сильнаго стыда рукавомъ. Свѣтлица была убрана во вкусъ того времени, — о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже непоющихя больше на Украинѣ бородатыми старцами-слѣпцами, въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа, — во вкусъ того браннаго, труднаго времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украинѣ за унию. Все было чисто, вымазано цвѣтной глиною. На стѣнахъ — сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороху, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми, тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ, сквозь которыя иначе нельзя было глядѣть, какъ приподнявъ подвижное стекло. Вокругъ оконъ и дверей были красныя отводы. На полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синяго стекла, рѣзные серебряныя кубки, позолоченныя чарки всякой работы: Венецкой, Турецкой, Черкесской; зашедшіе въ свѣтлицу Бѣльбы всякими путями чрезъ третьи и четвертыя руки, что было весьма обыкновенно въ тѣ удалыя времена. Берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ переднемъ углу; широкая печь съ запечьями, уступами и выступами, покрытая цвѣтными пестрыми изразцами. Все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ, потому что у нихъ не было еще коней и потому что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинныя чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ, носившій оружіе. Бѣльба только при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

Бѣльба, по случаю приѣзда сыновей, велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ на-лицо; и когда

пришли двое изъ нихъ и осауль Дмитро Товжачъ, старый его те-варищъ, онъ имъ тотъ же часъ представилъ сыновей, говоря: »Вотъ смотрите, какіе молодцы! на Сѣчь ихъ скоро пошлю.« Гости поздравили и Бульбу, и обоихъ юношей, и сказали имъ, что доброе дѣло дѣлають и что нѣтъ лучшей науки для молодого чело-вѣка, какъ Запорожская Сѣчь.

»Ну жъ, паны братья, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки!« такъ говорилъ Бульба: »Боже благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удач-ливы! чтобъ бусурмановъ били, и Турковъ бы были, Татаръ били бы, когда и Ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и Лиховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку... что? хороша го-рилка? А какъ по-Латыни горилка? То-то, сынку, дурни были Ла-тинцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горилка. Какъ бышь того звали, что Латинскіе вирши писалъ? Я грамотѣ разумѣю не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?«

»Вишь какой батько!« подумалъ про-себя старшій сынъ, Остапъ: »все старая собака знаетъ, а еще и привидывается.«

»Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ и понюхать горилки.« продолжалъ Тарасъ. »А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжимъ вѣникомъ по спиѣ и по всему, что ни есть у козака? А можетъ, такъ какъ вы сдѣлались уже слишкомъ разумные, такъ, можетъ, и плетюганами пороли? чай, не только по субботамъ, а доставалось и въ среду, и въ четвергъ?«

»Нечего, батько, вспоминать, что было, то прошло!«

»Пусть теперь попробуетъ!« сказалъ Андрій: »пускай теперь кто-нибудь только зацѣпить; вотъ пусть только подвернется те-перь какая-нибудь Татарва, будетъ знать она, что за вещь козац-кая сабля!«

»Добре, сынку! ей Богу, добре! Да когда на то пошло, то и я съ вами їду! ей Богу їду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами, да за свиньями, да бабиться съ женой? Да пропади онѣ: я козакъ, не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье — погулять; ей Богу поѣду!« И старый Бульба мало-

помалу горячился, горячился, наконецъ разсердился совѣмъ, всталъ изъ-за стола и приосанившись топнулъ ногою. »Завтра же ѣдемъ! зачѣмъ откладывать? какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? на что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки?« Сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до-тла неукротимыми набѣгами Монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожаращахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда браннымъ пламенемъ объялся древле мирный Славянской духъ и завелось козачество — широкая разгульная замашка Русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя пологія и удобныя мѣста усьялись козаками, которымъ и счету никто не вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были въ правѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ ихъ: »Кто ихъ знаетъ? у насъ ихъ раскидано по всему степу: что байракъ, то козакъ« (гдѣ маленькій пригорокъ, тамъ ужъ и козакъ). Это было точно необыкновенное явленіе Русской силы: его вышло изъ народной груди огниво бѣды. Въмѣсто иржаныхъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей, возникли грозныя селенія, курени и околицы, связанные общою опасностью и ненавистью противъ не-Христіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба

и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набѣговъ, грозившихъ ее опрокинуть. Короли Польскіе, очутившіеся намѣсто удѣльныхъ князей властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значеніе козаковъ и выгоды такой бранной, строптивой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдаленною властью гетманы, избранные изъ среды самихъ же козаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско; его бы никто не увидалъ; но въ случаѣ войны и общаго движенія, въ восемь дней, не больше, всякій являлся на конѣ, во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ — воинъ уходилъ въ луга и пашни, на Днѣпровскіе переклазки, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво и былъ вольный козакъ. Современные иностранцы справедливо дивились тогда необыкновеннымъ способностямъ его. Не было ремесла, котораго бы не зналъ козакъ: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справиться кузнечную, слѣсарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять на-пропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ Русскій — все это было ему по-плечу. Кромѣ реєстровыхъ козаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ: стоило только осадкамъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телегу: »Эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцеводы, баболобы, полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать козацкой славы!« И слова эти были — какъ искры, падающія на сухое дерево. Сахаръ ломалъ свой плугъ, бровары и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленникъ и торгошъ посыпалъ къ чорту и ремесло и лавку, билъ горшки въ домъ, — и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, Русскій

характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на Русскомъ дворянствѣ. Многие перенимали уже Польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь козаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ Варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями Польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ, съ своими козаками, производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважали въ чемъ старшинъ и стояли передъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурмаи и Турки, противъ которыхъ онъ считалъ, во всякомъ случаѣ, позволительнымъ поднять оружіе во славу Христіанства.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслию, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: »Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!« какъ представить ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядить на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталось тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ было отправить ихъ однихъ; но, при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Осаду Товкачу передалъ свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сей же часъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ по-

дасть изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ, и въ головѣ его еще бродилъ хмѣль, однакожъ не забылъ ничего; даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и лучшей пшемицы, и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ.

»Ну, дѣти, теперъ надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.«

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для прїѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приняла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодя, небрежно вклочоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственной грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! »Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?« говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельстителъ ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлись съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, изъ которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перся безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся

любовь, всё чувства, все, что есть вѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ Татаринъ срубилъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенные тѣла ихъ, которыя расклевуетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: »Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.«

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколь, окружавшій дворъ. Она всё сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всё легли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-помалу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самого низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. »Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А гдѣ старá? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою) Живѣе, старá, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!«

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату.

Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными